

Роль Г.В. Чичерина в китайской политике Советской России

© 2014

А. Картунова

Статья посвящена роли выдающегося дипломата Г.В. Чичерина в разработке и осуществлении китайской политики Советской России, его участию в корректировке ее стратегии и тактики, особенно по проблемам КВЖД, Маньчжурии, а также монгольскому вопросу в советско-китайских отношениях; роли Чичерина в установлении официальных советско-китайских отношений.

Ключевые слова: нарком, дипломат, Советская Россия, мирное сосуществование, китайская политика, Гоминьдан, КПК, КВЖД, Внешняя Монголия.

Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936) — выдающийся российский дипломат и видный государственный деятель советского периода¹. 12 лет он провел на посту руководителя Народного комиссариата по иностранным делам (1918—1930 гг.) Чичерин — это целая эпоха в истории внешней политики Советского государства. Все свои силы и талант дипломата Г.В. Чичерин, потомок аристократического рода, отдавал работе по защите безопасности и целостности Советской России, служению национальным интересам своей страны, будучи в то же время интернационалистом. Чичерин неуклонно выступал за принципы мирного сосуществования и экономического сотрудничества государств с разными социально-политическими системами. Существует большой массив научных и научно-популярных работ, посвященных жизни и деятельности Г.В. Чичерина².

Кроме того, с середины 90-х годов XX в. по первое десятилетие XXI в. вышли в свет многие сотни прежде недоступных для исследователей документов и материалов, хранящихся в АВП РФ, РГАСПИ, РГВА и других архивах особенно таких уникальных, ранее строго засекреченных документов (под грифом «Особые папки») как протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б)³, в которых отражена неизвестная прежде деятельность наркома Чичерина. Этой широкой источниковой базой мы активно пользовались при написании настоящей статьи.

Опубликовано также множество рассекреченных писем Георгия Васильевича, главным образом адресованных им полпредам и послам СССР, переписки Чичерина с родственниками, особенно с его братом Николаем другие материалы, ставшие ценными дополнительными документальными источниками о других малоизвестных сторонах его деятельности, в том числе как историка дипломатии России второй половины XIX в.

С большим интересом встречена в научных кругах впервые опубликованная в полном объеме неоконченная рукопись Г.В. Чичерина о деятельности князя А.М. Горчакова⁴, выдающегося русского дипломата, прослужившего на посту министра иностранных дел царской России 27 лет (1856—1882 гг.). Министр иностранных дел РФ С.В. Лав-

ров в предисловии к этой работе Г.В. Чичерина выразил убеждение, что она «станет достойной данью памяти двух выдающихся российских дипломатов [А.М. Горчакова и Г.В. Чичерина], источником новых знаний не только для специалистов-международников, но и для всех тех, кто не равнодушен к истории России и ее внешней политике»⁵.

Академик РАН И.Х. Урилов выделил главное, что являлось общим для деятельности двух глав внешнеполитического ведомства России. Вот как он характеризует А.М. Горчакова и Г.В. Чичерина: «Две яркие, незаурядные, выдающиеся личности в истории Российского государства... Они жили и работали в совершенно разные эпохи, служили принципиально отличным друг от друга государствам, вынуждены были проводить и проводили, часто через силу, под строгим контролем властей те идеи и принципы государственной политики России, которые, возможно, не всегда отвечали их гражданской и нравственной позиции. Но одно совершенно очевидно: оба они были беззаветно преданы России и пламенно защищали ее интересы на международной арене. Поэтому имена Горчакова и Чичерина занимают самые почетные места в летописи российской дипломатии, в истории культуры России»⁶.

* * *

Георгий Васильевич Чичерин, выходец из дворянского рода, представители которого посвящали себя дипломатической службе еще со времен Петра I, получил блестящее образование, в совершенстве владел несколькими европейскими языками. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета подал прошение о зачислении его в Государственный и Санкт-Петербургский Главный архив Министерства иностранных дел, куда он пришел с целью изучать историю по первоисточникам, в том числе историю дипломатических отношений России. В 1890 г. Чичерину в МИДе предложили участвовать в подготовке «Очерка истории Министерства иностранных дел России», и Чичерин взял на себя подготовку раздела о политике России в период, когда министром иностранных дел был князь А.М. Горчаков.

В 1904 г. под угрозой ареста за причастность к нелегальной революционной организации Георгий Васильевич вынужден был эмигрировать за границу. Находясь в эмиграции, Чичерин знакомится с марксистской литературой, которая оказала влияние на его мировоззрение. В 1905 г. в Германии он вступил в местную организацию РСДРП, однако после поражения революции 1905—1907 гг. переходит на позиции меньшевизма.

После февральской революции в России Чичерин, находившийся в Лондоне, был арестован и заключен в одиночную камеру Брикстонской тюрьмы по обвинению в том, что он агитировал английских рабочих выступать против войны.

В годы эмиграции Г.В. Чичерин познакомился с В.И. Лениным. Первая их встреча состоялась в Лондоне на V съезде РСДРП (май 1907 г.). Чичерин не был делегатом съезда, но, узнав, что созыв его находится под угрозой срыва, перевел значительную часть своих денег в один из английских банков и сам выехал в Лондон, чтобы принять участие в подготовке съезда.

В 1908 г. в Париже Ленин ближе познакомился с Чичериным и, по словам одного из современников, уже тогда высказал мысль, что Чичерин «обладает незаменимыми качествами. Из него получился бы превосходный дипломат»⁷.

В 1910 г. Ленин и Чичерин вновь встретились, теперь во время проходившей накануне Копенгагенского конгресса II Интернационала дискуссии об отношении к войне и милитаризму. Г.В. Чичерин считал, что по вопросам войны и мира были правы Ленин, большевики. Во время Первой мировой войны Г.В. Чичерин перешел на позиции революционного интернационализма, а к концу 1917 г. по своим политическим воззрениям он перешел на платформу РКП(б). Решающим для него была установка РКП(б) против мировой войны.

В январе 1918 г. Советское правительство добилося возвращения Г.В. Чичерина на Родину⁸. Вернувшись в Советскую Россию, он вступил в РКП(б) и был назначен Лениным заместителем народного комиссара по иностранным делам РСФСР.

Не исключено, что формирование Г.В. Чичерина как дипломата, произошло еще в годы его работы над монографией о деятельности А.М. Горчакова под влиянием идей, принципов и задач российской дипломатии, как их трактовал и проводил в жизнь А.М. Горчаков.

После срыва Троцким в феврале 1918 г. брестских переговоров⁹ по настоянию Ленина была сформирована новая делегация, и 3 марта Чичерин подписал Брестский мир. Советской Республике нужна была передышка. Чичерин был уверен, что «передышка будет означать путь к победе»¹⁰.

В исключительно тяжелое для Советской России время, когда, стремясь сорвать Брестский мир и втянуть Советскую Россию в войну с Германией и захватить Советский Север, войска Антанты 9 марта 1918 г. высадились в Мурманске, вслед за ними 5 апреля во Владивостоке высадились японский и английский отряды, Германия оккупировала Украину, Крым и некоторые другие территории России, перед советской дипломатией встали труднейшие задачи по урегулированию отношений с обеими коалициями.

В таких чрезвычайных обстоятельствах 30 мая 1918 г. Г.В. Чичерин был назначен на пост народного комиссара по иностранным делам РСФСР. На должности наркома Чичерин быстро снискал славу выдающегося российского дипломата.

Так, бывший долгие годы сотрудником германского посольства в Москве Г. Хильгер и историк А. Мейер признавали, что Чичерин умел представлять интересы своей страны «с таким большим достоинством, такой замечательной эрудицией, блестящим красноречием и внутренней убежденностью, что даже его противники не могли не относиться к нему с уважением»¹¹.

В.И. Ленин высоко ценил Г.В. Чичерина за его принципиальность, редкую эрудицию, высокие человеческие достоинства. Он писал о нем: «Чичерин работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить»¹².

С 1920 г. Советская Россия вступила в новый этап своего развития, в период нэпа. Необходимо было добиться установления принятых в международной практике дипломатических и экономических отношений советского государства с западными странами.

Дополнительная трудность при решении НКИДом задачи установления дипломатических и экономических отношений с зарубежными странами состояла в том, что руководство РКП(б) и Коминтерна в 1920 г. принимают решение, согласно которому Коминтерн и НКИД, несмотря на фактически разнонаправленные функциональные задачи, работали за рубежом, координируя свои действия.

Представляется сомнительным, чтобы Чичерин мог безоговорочно, без внутренней борьбы согласиться с «координацией» за рубежом работы НКИД и Ки, так как, можно предположить, понимал лучше других в Москве всю деликатность проведения на практике такого рода координации работы. По документам можно судить о трудностях, которые приходилось преодолевать Чичерину, и необходимости предпринимать срочные меры, не запрашивая согласия на то у руководства ИККИ¹³.

Поскольку блистательная дипломатическая деятельность Г.В. Чичерина на европейском направлении, особенно на Генуэзской конференции и в Рапалло нашла широкое освещение в литературе, мы обратимся к роли Чичерина в китайской политике РСФСР — СССР.

Г.В. Чичерин с самого начала своей дипломатической и государственной деятельности уделял пристальное внимание внешней политике на Востоке. «Восточная политика Советского правительства, — утверждал он, — является вполне самостоятельной, чрезвычайно важной и, может быть, даже важнейшей областью его международной деятельности». Коллеги по наркомату в шутку называли Чичерина «главой восточной фракции в наркоминделе»¹⁴.

Общие принципы политики Советской России в отношении народов Востока были провозглашены с первых дней становления новой государственности. Принципиальная политика России в отношении Китая ярко проявилась, в частности, в ряде документов конца 1917 г., 1918—1919 гг. Назовем лишь главные из них: Письмо наркоминде-

ла РСФСР Г.В. Чичерина Сунь Ятсену от 1 августа 1918 г.; Решение Президиума ВЦИК от 2 декабря 1918 г. о прекращении взыскания с китайского правительства сумм, причитающихся в виде военного вознаграждения по заключенному протоколу 1901 г.; Обращение Совета Народных комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г.¹⁵ и другие, в которых Советская страна заявляла об отмене неравноправных договоров царской России с Китаем и установлении равноправных, добрососедских отношений между двумя странами.

В Соглашении от 31 мая 1924 г. правительство СССР воплотило дух своих послеоктябрьских деклараций. Оно добровольно отказалось в пользу Китая от концессий в Тяньцзине и Ханькоу, от консульской юрисдикции и экстерриториальности для своих граждан в Китае; оно также добровольно отказалось от всех привилегий, которые были предоставлены царской России на КВЖД — от права иметь в Китае свои войска, полицию, суд и от других военно-административных функций, которые были до того прерогативой российских властей на КВЖД и во всей полосе отчуждения этой дороги¹⁶.

Г.В. Чичерин лично участвовал в разработке политики в отношении стран Востока, историей и культурой которых он увлекался еще в университете. В ноябре 1921 г. Г.В. Чичерин, подчеркивая принципиальную позицию Советского государства в отношении стран Востока, писал, что «Россия ставит во главу угла своей восточной политики полную симпатию к стремлениям восточных народов к укреплению и развитию своей самостоятельной политической и экономической жизни»¹⁷.

Видимо, в связи с этим Чичерин в письме И.В. Сталину от 19 ноября 1921 г. выдвинул предложение о том, что советскому государству необходимо наряду с политической поддержкой освободительного движения на Востоке оказывать молодым национальным государствам помощь в развитии экономики, в подготовке кадров¹⁸. В.И. Ленин, ознакомившись с этим письмом, написал 20 ноября под текстом: «тов. Сталин! Не пришлете ли мне копию Вашего ответа Чичерину? По-моему, он прав»¹⁹.

В условиях стабилизации капитализма (1924—1928 гг.), когда становилось ясно, что мировая пролетарская революция в видимой перспективе не просматривается, руководство Советского Союза и КИ корректируют свою стратегию в виде перенесения главного акцента в их деятельности на активную поддержку национально-освободительных и национально-революционных движений в странах Востока. («восточный маршрут» революции.)

Г.В. Чичерин лично занимался проблемами китайской политики Советского Союза. Он фактически являлся одной из ключевых фигур, принимавших участие в разработке и корректировке политики этого направления. Особенно много неизвестных подробностей по этим вопросам содержится в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом.

Деятельность Чичерина по вопросам политики в Китае охватывала период (1918—1926 гг.), в течение которого происходили крупные перемены в истории этой страны. Наиболее важными из них были: образование КПК; становление и укрепление Южнокитайской революционной базы, возглавляемой Сунь Ятсеном; I съезд ГМД (январь 1924 г.) и создание единого антиимпериалистического фронта на базе сотрудничества ГМД и КПК; подписание советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г.; государственный переворот, совершенный в Пекине генералом Фэн Юйсяном 23 октября 1924 г.; антиимпериалистическое «движение 30 мая» 1925 г., положившее начало национальной революции 1925—1927 гг.; военно-политический переворот Чан Кайши в Кантоне 20 марта 1926 г.; Северный поход НРА, официально начавшийся 9 июля 1926 г.

Чичерин держал руку на пульсе всех этих событий, анализировал их, постоянно держал связь с полпредами СССР в Китае, особенно с Л.М. Караханом, в 1923—1926 гг. ориентировал их в сложных моментах по текущим вопросам их деятельности, давал им прямые директивы.

Г.В. Чичерин постоянно докладывал на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) о выполнении директив Политбюро, вносил предложения по решению текущих

проблем китайской политики. Он также был постоянным докладчиком на заседаниях Китайской комиссии Политбюро ЦК партии, как наркоминдел осуществлял связи с кантонским правительством.

После двух посещений и бесед военно-политической делегации Сунь Ятсена во главе с его начальником штаба Чан Кайши, находившейся в 1923 г. в Москве, с Г.В. Чичериным последний обратился с письмами к Г.Е. Зиновьеву от 1 ноября, затем — от 5 декабря 1923 г.²⁰, в которых выдвинул инициативу о необходимости создания комиссии при ИККИ «для наблюдения за отношениями с Гоминьданом».

В результате решения Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1925 г. была создана комиссия в составе: Фрунзе, Чичерина, Молотова и Петрова (Ф.Ф. Раскольников) (с заменой Войтинским) «для наблюдения за текущими мероприятиями по помощи Гоминьдану и сочувствующим ему группам»²¹. Впоследствии она стала известна как Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б). Создание этой комиссии, обладавшей широкими полномочиями, было вызвано, прежде всего, быстрым возрастанием в 1925 г. роли китайской политики во внешнеполитической деятельности Советского Союза и увеличением его советнической, военной и финансовой помощи национально-революционному движению в Китае. В связи с этим появилась необходимость централизации и координации участия в китайской работе различных советских наркоматов и ведомств.

Работа Г.В. Чичерина по подготовке к установлению официальных отношений Советской России с Китаем началась с 1920 г. Георгий Васильевич относился к ней весьма предусмотрительно, взвешивая все нюансы существовавшего внутреннего и международного положения Китая, который олицетворялся пекинским правительством²².

Первые шаги по установлению соглашения Советской России с китайским правительством в Пекине были совершены непосредственно в Китае А.К. Пайкесом, чрезвычайным уполномоченным и главой дипломатической миссии РСФСР, находившейся в Пекине с декабря 1921 по июль 1922 гг. Программа миссии Пайкеса была составлена в Москве в период советско-монгольских переговоров при непосредственном участии Г.В. Чичерина, Б.З. Шумяцкого и А.К. Пайкеса.

В инструкции Г.В. Чичерина от 11 ноября 1921 г. А.К. Пайкесу изложена политическая программа его миссии. Основные ее положения сводятся к следующему: 1) «систематически всегда принципиально поддерживать идею единства, независимости и суверенных прав Китая»; 2) «должно сноситься и принципиально решать вопросы с пекинским правительством как принципиальным носителем центральной власти в Китае»²³. Однако усилия А. Пайкеса выполнить поставленные перед ним задачи не достигли цели.

К этому времени деятельность представителей Советского Союза, КИ и его дочерних органов в Китае (Профинитерн, КИМ) значительно расширилась, постепенно увеличивала свое влияние КПК. В этих условиях Советский Союз и КИ продолжали дальнейшие контакты с Сунь Ятсеном. В результате нескольких встреч и бесед А.А. Иоффе²⁴ с Сунь Ятсеном в Шанхае 27 января 1923 г. было опубликовано Сообщение РОСТА о коммюнике полномочного представителя РСФСР в Китае А.А. Иоффе и Сунь Ятсена по поводу советско-китайских отношений²⁵. Сунь Ятсен и полпред РСФСР «обнаружили полное совпадение их взглядов на китайско-русские отношения», особенно по трем вопросам, беспокоившим Сунь Ятсена.

Прежде всего, Сунь Ятсен заявил, что в настоящее время в Китае не могут быть введены коммунистический строй или даже советская система, поскольку в стране нет условий, необходимых для их успешного утверждения.

Сунь Ятсен признал, что вопрос о КВЖД может быть разрешен лишь на компетентной русско-китайской конференции и заявил, что «действительное положение вещей вызывает потребность *modus a vivendi* в вопросе о нынешнем управлении дорогой», и что он согласен с тем, что существующее управление должно быть временно реорганизовано соглашением китайского и российского правительств.

Что касается эвакуации русских войск из Внешней Монголии, Сунь Ятсен считал немедленную эвакуацию русских войск из Внешней Монголии «ни действительно необходимой, ни соответствующей действительным интересам Китая».

Для руководства РСФСР высказанные Сунем позиции представляли несомненный интерес и учитывались в китайской политике.

Главные усилия Г.В. Чичерина в 1923—1924 гг. по китайской политике были направлены на достижение признания Китаем Союза ССР де-юре, установление официальных дипломатических и консульских отношений с пекинским правительством, а также на то, чтобы наладить отношения с генералом Чжан Цзолинем прежде всего по решению проблем КВЖД, а затем заключить официальное соглашение с мукденским правительством по всему спектру существующих проблем. И третье направление — по существу коминтерновская работа, в которой должен был участвовать и НКВД, относилось к национально-революционному движению — создание единого национального антиимпериалистического фронта на базе сотрудничества ГМД и КПК.

В 1923 г. после возвращения А.А. Иоффе Советское правительство предложило Пекину перенести переговоры в Москву. В связи с отказом от этого предложения в Москве встал вопрос, кого направить в Пекин. Г.В. Чичерин, считавший что «Восточные дела — сложнейшие, важнейшие, требующие конкретного знакомства»²⁶, предложил направить в Пекин для переговоров с правительством Китая об установлении дипломатических отношений Л.М. Карахана²⁷.

В августе 1923 г. Л.М. Карахан выехал в Китай в качестве главы дипломатической миссии в ранге чрезвычайного полномочного представителя СССР в Китае. По пути следования Карахан побывал в Харбине и Мукдене специально для предварительных переговоров с Чжан Цзолинем и 2 сентября прибыл в Пекин. Всюду по пути следования Карахана приветствовали многочисленные делегации. По его прибытии в Пекин началась активная дипломатическая деятельность, а также пропагандистская работа с целью разъяснения китайской общественной политики СССР в отношении их страны. На Карахана была возложена также обязанность вести переговоры с Японией, чем он также занимался.

Деятельность Л.М. Карахана в Китае проходила под непосредственным руководством Г.В. Чичерина по всем принципиальным вопросам. Все подробности разработки в Москве и осуществления этой политики в Китае, директивы наркома полпреду, регулярная информация Л.М. Карахана о положении в Китае и его работе, а также его оценки происшедших событий в стране и предложения о возможном решении возникавших проблем впервые стали известны из недавно опубликованной переписки И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом.

Еще до отъезда Л.М. Карахана в Китай, в Москве уже сложилась оценка положения в этой стране и приняты направления политики СССР в отношении пекинского правительства, а также Чжан Цзолиня и Сунь Ятсена. Цель состояла в создании национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемого Сунь Ятсеном, с руководящим влиянием тех групп, которые в Москве объединялись под словом «Гоминьдан». Пекинское правительство оценивалось в этих планах «совершенно игрушкой» в руках у дипломатического корпуса, с одной стороны, и Цао Куня, У Пэйфу и Фэн Юйсяна, с другой стороны. Исходя из этого, в Москве считали, что оно не является той политической силой, с которой Советская Россия могла бы твердо договориться и, опираясь на которую, можно было бы развить «нашу работу в Китае». Ближайшие задачи связывались с разрешением вопросов по КВЖД, которые, могут быть решены, по мнению Москвы, только с Чжан Цзолинем²⁸.

Все эти планы были мало реалистичны, так как строились на отрывочной информации из Китая и без учета реального соотношения сил Сунь Ятсена и региональных дучжоней, которые не допустили бы Суня к руководству пекинским правительством ни при каких обстоятельствах.

В 1923 г. Советский Союз и КИ сделали свой выбор на сотрудничество в пользу кантонского правительства Сунь Ятсена, рассматривая часть территории провинции Гу-

андун, подвластной этому правительству, как главную опорную базу для работы по ее укреплению и расширению национально-освободительного движения в Китае.

По просьбе Сунь Ятсена в начале октября 1923 г. в Кантон стали прибывать советские военные советники. 6 октября 1923 г. прибыл и М.М. Бородин (Грузенберг), которого Сунь Ятсен назначил советником по реорганизации ГМД (позже он стал политическим советником ЦИК ГМД и кантонского правительства).

С 1924 г. Сунь Ятсен стал получать из Советского Союза финансовую помощь и оружие²⁹. Г.В. Чичерин в 1923—1926 гг. постоянно принимал участие в работе по оказанию помощи Кантонскому правительству, через него шла финансовая и другая помощь Кантону.

В связи с затянувшимися переговорами Карахана с представителем китайского правительства Ван Чжэнтином Г.В. Чичерин дал указание советскому полпреду настаивать в первую очередь на официальном признании Китаем Советского Союза — установлении дипломатических связей и консульских отношений. А соглашения по ряду конкретных вопросов оставить до советско-китайской конференции. В противном случае китайской стороной немедленно будут поставлены вопросы о КВЖД, Внешней Монголии и другие, что затянет подписание главного документа. В этом направлении и вел напряженную работу полпред СССР.

25 февраля 1924 г. советская и китайская делегации договорились о порядке переговоров. К 1 марта был разработан проект соглашения. Ван Чжэнтин 3 марта вручил президенту Цао Куню этот проект. 13 марта кабинет министров одобрил проект соглашений, и уполномоченные Советского Союза и Китая парафировали их³⁰.

Однако 14 марта пекинское правительство заявило, что Ван Чжэнтин не имел должных полномочий для подписания соглашений, и его подпись была дезавуирована. Об этом Карахану стало известно лишь вечером 15 марта.

16 марта 1924 г. Г.В. Чичерин направил китайскому представителю в Москве письмо, в котором с сожалением уведомил его о том, что под давлением Франции и других держав³¹ китайское правительство отказалось утвердить соглашение и указало, что ответственность за этот отказ всецело ложится на пекинское правительство³².

Срыв подписания Соглашения и переговоров, как информировал Карахан Г.В. Чичерина, «вызвал очень большое оживление и большое общественное движение, обострил отношения в самом кабинете, обострил отношения между кабинетом и У Пэйфу и отдельными дуцзюнями, на которых этот кабинет держится». Что касается У Пэйфу, то он требовал немедленного подписания Соглашения и присылал телеграмму за телеграммой на имя президента, кабинета, мининдела и Ван Чжэнтина³³. Срыв переговоров вызвал также недовольство общественных кругов Китая.

Советско-китайские переговоры возобновились через два месяца, 21 мая. После внесения некоторых исправлений, предложенных пекинскими властями, 29 мая Л.М. Карахан и министр иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнь окончательно согласовали проекты соглашений³⁴. 30 мая их утвердило китайское правительство. 31 мая состоялось подписание известного Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой.

Таким образом, этот главный вопрос был решен, и нет сомнения, что большая заслуга в этом принадлежит Г.В. Чичерину и Л.М. Карахану. В связи с этим приведу мнение американского историка О'Коннора: «И хотя не он был творцом политического курса государства — это входило в компетенцию Ленина и других членов Политбюро, — при Чичерине складывался дипломатический стиль, его деятельность во многом способствовала росту престижа советской дипломатии в 20-х годах, повышению авторитета и признанию Советской России»³⁵. Немалую роль играло и укрепление международного положения СССР в 1924 г.

При разработке в 1920-х годах *политики в отношении КВЖД* и связанных с ней проблемам Советскому Союзу необходимо было рассматривать ее сквозь призму общей китайской политики, увязывая с отношениями с пекинским и мукденским правительст-

вами, а также с Японией. Нужно также было иметь в виду, что КВЖД в 1918–1925 гг. играла важную роль в международных отношениях в регионе, будучи объектом, с одной стороны, споров между Советской Россией — СССР и Китаем, затем с Японией, с другой — причиной серьезных столкновений европейских стран, США и Японии, как с Китаем, так и Союзом ССР³⁶.

Принципиальная позиция советского государства в отношении КВЖД была озвучена Г.В. Чичериным в докладе на V съезде Советов 4 июля 1918 г. Он заявил, что Китай был уведомлен о том, что РСФСР отказывается от захватов царского правительства в Маньчжурии и восстанавливает суверенные права Китая на той территории, по которой пролегает важнейшая торговая артерия — КВЖД — собственность китайского и русского народа и принадлежащая только этим народам и никому более³⁷.

Китайское правительство в то время никак не отреагировало на это официальное уведомление.

Советское руководство осознавало, что КВЖД необходимо будет передать Китаю. Вопрос состоял лишь в том, когда, при каких обстоятельствах и на каких условиях будет реализовано это намерение.

Первым шагом на пути формирования конкретной позиции страны Советов в отношении КВЖД явилось положение в инструкции, которую вручил Г.В. Чичерин 11 ноября 1921 г. главе первой миссии РСФСР в Пекине А.К. Пайкесу. В ней содержались первоочередные на тот момент указания по вопросу о КВЖД. «Главное для нас, — указано в инструкции, — это управление — необходимость тройственного управления [Россия, ДВР, Китай]». Чичерин пояснил, что необходимость придать этому характер временной меры, вызвана ненормальностью положения, в особенности в Маньчжурии, необходимостью ограждения безопасности границ ДВР и товарообмена от всяких нападений белогардецев³⁸. То есть причина была главным образом ситуативная.

Но 11 декабря 1921 г. Чичерин дополнительно телеграфировал Пайкесу. Заключительная фраза телеграммы «о наших проектах» относительно КВЖД была следующей: «Речь идет только о смешанном управлении при юридическом признании китайского владения»³⁹.

16 декабря при первой беседе Пайкеса с министром иностранных дел пекинского правительства Ян Хойцином, советский представитель заявил, что китайское правительство должно быть заинтересовано в том, чтобы КВЖД действительно досталась Китаю и не перешла в руки третьих стран, а также подчеркнул, что собственником дороги являются исключительно Советская Россия и Китай, с чем Ян Хойцин согласился⁴⁰.

Нарком Чичерин продолжал направлять указания Пайкесу. 9 января 1922 г. он, в частности, добавил: «Что касается КВЖД, мы требуем присутствия наших гарнизонов в полосе отчуждения в качестве друзей Китая». Он уточнял, что пребывание гарнизонов там будет временным, вплоть до окончательного успокоения страны и ухода всяких иностранцев и белогвардейцев. Но совершенно ясно, — указывал он, — что при всевозможных семеновцах, капелевцах и японских гарнизонах мы не можем обойтись без введения туда наших гарнизонов. Он указывал, что Советская Россия передаст железную дорогу Китаю безвозмездно (когда — не указано. — А.К.), не требуя с него никаких возмещений наших расходов, «и именно поэтому мы вправе требовать для себя военных и экономических гарантий, то есть введения наших гарнизонов и совместного управления»⁴¹.

Однако А.К. Пайкесу не удалось выполнить поставленные задачи. Как считает С.Г. Лузянин, Пайкес «был в какой-то степени заранее обречен на неудачу, так как имел тактически неверную установку на замалчивание Советско-Монгольского соглашения»⁴².

М.С. Капица высказал другое мнение. Он считал, что миссии Пайкеса так и не удалось начать официальные переговоры с пекинскими властями, и «причина была не в так называемом монгольском вопросе, а в том, что на Вашингтонской конференции на Китай был оказан державами сильный нажим с целью не допустить заключения советско-китайского соглашения»⁴³. Думаю, что значение имело и то, и другое.

Советская Россия настойчиво продолжала усилия с целью установления официальных дипломатических отношений с Китаем, а также заключения торгового договора и соглашения о КВЖД. Эти задачи были возложены на вторую миссию в Китай во главе с полномочным представителем РСФСР А.А. Иоффе.

В утвержденной Политбюро ЦК РКП 31 августа 1922 г. телеграмме в адрес Иоффе по вопросу о КВЖД указано лишь на необходимость «предусмотреть ряд гарантий и преимуществ для нас, разработанных ведомствами в инструкции т. Пайкесу», требовавшей «равномерное участие» в управлении КВЖД Россией, ДВР и Китаем»⁴⁴.

После разгрома японских интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке и Приморье ДВР с 11 ноября 1922 г. прекратила свое существование и вошла в состав РСФСР. Еще накануне, 22 октября правительство ДВР передало И.И. Иоффе свои полномочия на переговоры с Китаем с заключением соглашения.

В новой обстановке КВЖД приобрела для РСФСР большое практическое экономическое значение как средство связи Владивостока и Приморского края с Центральной Россией.

Предложение делегации РСФСР договориться с Пекином о совместном использовании КВЖД не было принято китайской стороной, заявившей, что согласно Обращению Совнаркома РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г. за подписью Л.М. Карахана, специальный пункт якобы гласил о безвозмездной передаче КВЖД Китаю. В одном из первоначальных проектов такой пункт, действительно был, однако Карахан вычеркнул его, и экземпляры, которые были подписаны им, не содержат этого пункта⁴⁵.

Но в Москве на передний план было выдвинуто как реальное и необходимое положение — добиться совместной эксплуатации КВЖД Советским Союзом и Китаем из-за опасения, что дорога может попасть в руки третьих стран. В инструкции Г.В. Чичерина Иоффе по вопросу о КВЖД нарком давал жесткие указания о том, что при переговорах мы не должны делать никаких уступок по вопросу о КВЖД. «Мы признаем теоретически собственность китайского народа на КВЖД, — писал Г.В. Чичерин, — но, безусловно, требуем себе права военных гарнизонов и управления КВЖД посредством смешанной комиссии»⁴⁶.

Официальные советско-китайские соглашения, касающиеся вопросов управления КВЖД, были заключены лишь в 1924 г. уже при изменившемся международном положении СССР.

Отмечу, что 31 мая 1924 г. после подписания советско-китайского Соглашения в тот же день обе стороны подписали Соглашение между Союзом ССР и Китайской Республикой о временном (до конференции)⁴⁷ управлении КВЖД, в котором было обозначено, что для обсуждения и решения всех вопросов, касающихся КВЖД, создается Правление железной дороги, состоящее из 10 человек, по 5 человек со стороны СССР и Китайской Республики, председателем Правления КВЖД будет гражданин Китая, управляющим КВЖД — гражданин СССР⁴⁸.

Чичерин предвидел, что выполнение подписанного о КВЖД соглашения, будет представлять массу трудностей, из-за постоянных новых требований Чжан Цзолина⁴⁹.

Г.В. Чичерин в секретном письме Карахану от 28 июня 1924 г. вторично затронул вопрос — о необходимости иметь Советскому Союзу на КВЖД в существующей обстановке свои гарнизоны⁵⁰.

В результате длительных переговоров советской стороны с Мукденом и с учетом положений по вопросам КВЖД, содержащимся в Советско-Китайском соглашении от 31 мая 1924 г., в Мукдене было заключено Соглашение от 20 сентября 1924 г., согласно которому КВЖД является чисто коммерческим предприятием.

Однако, несмотря на подписанное соглашение о временном совместном управлении КВЖД, мукденские власти препятствовали проведению в жизнь Соглашения, постоянно нарушали права Советского Союза на КВЖД.

В то же время и в действиях некоторых руководящих советских работников на КВЖД имели место серьезные нарушения принципиальной политики СССР в Китае. Так, до наркома дошли сведения о том, что управляющий КВЖД А.Н. Иванов и генеральный консул в Харбине Грандт склонны пренебрегать китайцами и не считаться с ними. «Это громадная ошибка, — писал Чичерин полпреду, — надо выказывать должное внимание китайским членам Правления. Надо спрашивать их мнения»⁵¹.

К концу 1925 г. — началу 1926 г. стали известны серьезные недостатки и ошибки, нарушавшие принципиальную политику СССР в отношении Китая, в деятельности советских советников, работников хозяйственных органов и других работников в Китае, особенно на КВЖД, остро стоял вопрос об отношениях с Японией. В связи с этим 14 января 1926 г. Политбюро утвердило авторитетную комиссию в составе А.С. Бубнова (председатель), И.И. Лепсе, Н.К. Кубяк, включен в комиссию был и полпред СССР в Китае Л.М. Карахан. Комиссии надлежало срочно выехать в Китай, выяснить положение в стране и информировать Политбюро; принять на месте совместно с Караханом все необходимые меры, поскольку они не нуждаются в санкции Политбюро; проверить, насколько обеспечен правильный подбор посылаемых в Китай работников и как они инструктируются⁵².

Через неделю на КВЖД произошел крупный конфликт, в том числе 21 января арестован управляющий дорогой А.Н. Иванов. В тот же день Политбюро приняло постановление поручить НКВД ограничиться применением для защиты интересов СССР на КВЖД мер дипломатического характера как по отношению к Китаю, так и по отношению к Японии⁵³, а также по докладу Чичерина о КВЖД было предложено комиссии т. Бубнова ускорить свой отъезд в Китай, в первую очередь ознакомиться с положением дела на КВЖД и подробно информировать об этом Политбюро.

22 января 1926 г. Г.В. Чичерин направил телеграмму временному Верховному Правителю КР Дуань Цижую и министру иностранных дел Ван Чжэнтину.

Г.В. Чичерин писал, что «Мы ожидаем от китайского правительства принятия необходимых мер для мирного разрешения вопроса, чтобы в трехдневный срок было достигнуто полное восстановление порядка на КВЖД, осуществление договора и освобождение т. Иванова».

В случае, если по каким-нибудь причинам Китайское правительство окажется не в состоянии обеспечить в мирном порядке разрешение этих вопросов в указанный срок, Советское правительство просит китайское правительство разрешить СССР собственными силами обеспечить осуществление договора и защитить обоюдные интересы Китая и СССР на КВЖД»⁵⁴.

25 января Политбюро приняло постановление: «считать, что состояние «ультиматума» после освобождения т. Иванова [24 января] прекратилось. Кроме того, дано задание в дальнейших переговорах в дополнение к соглашению, подписанному А.А. Краковецким (консул в Мукдене), настаивать на выполнении обещания об освобождении всех лиц, арестованных в связи с конфликтом на КВЖД, и на привлечении к ответственности лиц, виновных в насилиях над служащими и рабочими на КВЖД; на соблюдении договора о КВЖД и устава железной дороги и др.; Чичерину вменялось в обязанность подготовить интервью с освещением всего конфликта в Маньчжурии в целом, с предварительной рассылкой всем членам Политбюро. И, наконец, еще один пункт постановления: «сосредоточение войск на границе, согласно распоряжению, сделанному РВС, пока не приостанавливать»⁵⁵.

Акция с сосредоточением советских войск у границ Маньчжурии вызвала резко отрицательное отношение в рядах китайской общественности, а китайская печать, особенно антисоветской направленности, широко распространяла легенду о готовящейся агрессии Советского Союза в Китай⁵⁶.

4 февраля 1926 г. Политбюро заслушало информацию о КВЖД, рассмотрело текст интервью Чичерина и поручило ему изменить проект, согласно обмену мнений в Политбюро, и опубликовать интервью в печати 5 февраля⁵⁷.

Чичерин в тот же день дал интервью московским журналистам о конфликте на КВЖД. Он сказал, что бесчинства на КВЖД, начавшиеся 6 января, первоначально имели своей целью добиться бесплатности воинских перевозок вопреки имевшейся договоренности сторон. В дальнейшем начался захват железной дороги военными властями с устраниением договорной администрации, арест управляющего КВЖД Иванова, массовые аресты железнодорожников, обыски, закрытие профсоюзов.

Советское правительство, говорил Чичерин, не хотело действовать помимо существующего в настоящее время государственного органа китайского народа. Он добавил, что китайское правительство немедленно отреагировало на обращение к нему Советского правительства и обратилось к Чжан Цзолиню с требованием о восстановлении на КВЖД договорного порядка. Переговоры советского консула Краковецкого с Чжан Цзолинем привели к благоприятному результату.

Январский конфликт 1926 г. на КВЖД настоятельно потребовал от советского руководства внимательно изучить положение в Китае и принять срочные меры для внесения корректив в советскую политику в Маньчжурии и в отношениях с Японией. В этих целях 18 марта 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало вопросы НКВД — о Японии и о КВЖД. По первому вопросу постановило утвердить вторую комиссию Политбюро в составе Троцкого, Чичерина, Ворошилова, Рудзутака и Трилиссера (известная как Комиссия Троцкого) с заданием ознакомиться с материалами о Японии и с вопросом об изменении методов работы в Китае.

По вопросу о КВЖД Политбюро приняло персональные решения: «а) Сменить т. Иванова, назначить вместо него Емшанова.; б) Провести чистку на КВЖД с устранением всех тех ответственных работников, которые скомпрометировали себя великодержавностью и шовинизмом. В дальнейшем твердо вести советский курс со стороны всей администрации КВЖД»⁵⁸.

Г.В. Чичерин, привыкший к успехам в своей дипломатической деятельности, проявил мужество самокритично признать ошибки, совершенные Советским Союзом на КВЖД. Разумеется, не он единолично решал эти вопросы, но факт остается фактом, что в течение нескольких первых лет ее формирования в Москве не смогли разглядеть ее несбалансированность, проявившуюся особенно остро в 1926 г. Он весьма подробно изложил в письмах Л.М. Карахану от 16 марта и 4 мая 1926 г.⁵⁹ причины «наших неудач» на Востоке и особенно на КВЖД, в Маньчжурии. Главную причину неудач советской политики на Востоке Г.В. Чичерин усматривал в противоречии между «нашей исторической сущностью и нашими фактическими империалистическими методами». Он отметил, что в экономической области такие методы проявляются в работе хозорганов и в Маньчжурии, и в Монголии... Чичерин считал, что это противоречие в китайской политике нигде не проявляется «так ярко, как на КВЖД, и нигде поэтому наша политика не подвергается такой опасности». Чичерин признал, что Советский Союз за истекшие несколько лет проводил линию «усиления власти управляющего, и теперь видно до какой степени последствия этого вредны». Получилось, что китайцев третируют, правление низводится лишь до украшения, китайцы систематически устраниются и пр. Нарком беспощадно осуждает единодержавие управляющего⁶⁰. Чичерин считал недопустимым использование КВЖД в политических целях.

Нарком возложил лично на советского полпреда в Китае Карахана обязанность проведения линии, которая вытекала бы из общих основ советской восточной политики вообще и китайской в частности, линии солидарности с китайским народом.

1 апреля 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело проект резолюции, подготовленной комиссией по вопросам советской политики в отношении Китая и Японии и утвердило его с поправками и дополнениями⁶¹.

В этом документе озаглавленном «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии» прежде всего отмечались изменения в международной обстановке, которая в связи с известной стабилизацией Европы, Локарнскими договорами и особенно «*постановкой империалистами китайской проблемы в полном объеме*» (курсив документа. — А.К.) стала

несравненно трудной. Ухудшилась внутренняя обстановка в Китае «на ближайший период» в связи с поражением и отступлением Национальной армии Фэн Юйсяна. Учитывая все эти обстоятельства, Комиссия пришла к выводу, что в этих новых условиях «руководящие революционные силы Китая, а тем более Советское государство, должны сделать все, чтобы затруднить создание единого империалистического фронта против Китая». Для достижения этой цели предлагалась фактически тактика временного отступления. Так, в связи с тем, что «крайне опасной для китайской революции в настоящий момент может стать Япония», предлагалось «добиться здесь передышки», что означало на деле «отложить» вопрос о государственной судьбе Маньчжурии, то есть фактически примириться с тем, что Южная Маньчжурия останется на ближайший период в руках Японии⁶².

Такая политическая ориентировка не могла не задевать национальные чувства китайцев. Поэтому в документе была разработана целая система мер для исключения возможности «ложного истолкования этой политики» общественным мнением революционных сил «как жертву интересами Китая в целях улажения межгосударственных отношений СССР и Японии». Утверждалось, что Советскому государству нужно продление передышки так же, как и китайскому революционному движению.

Между тем в действительности, что касается последнего, о передышке вряд ли могла идти речь. Все еще продолжалась Сянган-Гуанчжоуская забастовка, развивалось рабочее движение, III съезд профсоюзов Китая и съезд крестьянских союзов (май 1926 г.) выступили в поддержку готовившегося Чан Кайши и его окружением Северного похода НРА.

Комиссия Политбюро провела дальнейшую работу по корректировке советской политики в отношении КВЖД: закреплялось положение, что основным элементом договоренности с Маньчжурией является выработка строго делового режима на КВЖД; утверждалась точная согласительная процедура (на паритетных началах) для всех спорных или конфликтных вопросов; в случае каких-либо осложнений вопрос переносился в Мукден и т.д.

Запрещалось предъявление китайским властям любых ультиматумов⁶³. Чтобы оградить на ближайший период дорогу от захвата ее империалистами, в документе требовалось сейчас же предпринять широкие меры культурно-политического характера для китайской дороги.

С другой стороны, указывалось на необходимость «теперь же тщательно собрать (и выяснять в дальнейшем) все случаи произвола и насилия «со стороны военщины, полицейщины и белогвардейщины» по отношению к русским рабочим и служащим КВЖД.

Неоднократно было выражено требование к соответствующим советским органам и лицам проводить линию, основанную на величайшем внимании к правам Китая, на подчеркивании его суверенитета, в разных формах заявлять, что советская политика устраняет мысль о каких бы то ни было интервенциях в Китай со стороны СССР.

Советский Союз продолжал выдвигать конструктивные предложения с целью нормализовать обстановку на КВЖД. Однако Чжан Цзолинь уходил от их обсуждения и теперь настаивал на отзыве Карахана⁶⁴ из Китая. На этом требовании настаивала и китайская реакция.

В письме от 25 мая 1926 г. Г.В. Чичерин дал прямые указания Л.М. Карахану: «В общей линии нашей политики чрезвычайно важное место занимает стремление наладить хорошие отношения с Мукденом и сблизиться с Японией»⁶⁵.

Однако наладить «хорошие отношения» с Мукденом по вопросу о КВЖД Советскому Союзу не удалось. 13 декабря 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело требования Чжан Цзолиня для дальнейших с ним переговоров⁶⁶. 26 мая 1926 г. состоялось открытие Советско-Мукденской конференции. Переговоры оказались безуспешными и были прерваны. 21 августа 1926 г. Чжан Цзолинь предъявил Правлению КВЖД требования о передаче мукденским властям всех судов КВЖД, ликвидации учебного отдела дороги и передачи всех школ Управлению народного просвещения⁶⁷. Требование отозвать Л.М.

Карахана, как показало последующее поведение Чжан Цзолина, не было главным, важным для него оставался все тот же вопрос — получить КВЖД в собственность Китая⁶⁸.

Что касается *Внешней Монголии* и советской *монгольской политики* в советско-китайских отношениях, то истоки последней относятся еще к дореволюционному российско-китайскому соперничеству на территории Внешней Монголии в торговых отношениях⁶⁹.

Прежде, чем перейти к вопросу о монгольской политике РСФСР — СССР, мы коротко приведем два исторических обстоятельства в российско-китайско-монгольских отношениях. Не рассматривая здесь историю теократической Монголии⁷⁰, отметим лишь, что в результате длительных переговоров 25 мая 1915 г. состоялось подписание соглашения между Россией, Внешней Монголией и Китаем в Кяхте. Согласно этому тройственному соглашению международно-правовое положение Внешней Монголии определялось следующим образом: «Внешняя Монголия признает над собой суверенитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории». В соответствии с этим соглашением Внешняя Монголия лишалась права иметь свое дипломатическое представительство за границей, а также заключать с иностранными державами договоры по политическим и территориальным вопросам⁷¹.

Однако в октябре 1919 г. китайское правительство лишило Монголию автономии.

Второе обстоятельство заключалось в том, что освободительное движение монголов-революционеров с 1920 г. развивалось довольно быстро в немалой степени благодаря непосредственным контактам с представителями НКВД РСФСР, Коминтерна, Сиббюро ЦК РКП(б) и Дальбюро ЦК РКП(б), а также с Секцией восточных народов, образованной по решению ЦК РКП(б) Сиббюро в августе 1920 г.

В январе 1921 г. на основе Секции восточных народов был создан Дальневосточный секретариат ИККИ, с которым представители монгольских революционеров также находились в постоянном контакте.

Во время пребывания делегации Данзана в Москве в беседах наркома Г.В. Чичерина и Я.Д. Янсона с делегацией советская сторона обещала военно-финансовую помощь — оружием, кредитами и обмундированием. В результате для начала НКВД стал отпускать монгольским революционерам серебро и ценности⁷².

В условиях гражданской войны историческое значение для монгольских революционеров имела их встреча и беседа 5 ноября 1921 г. с В.И. Лениным, который дал им ряд важных советов по принципиальным вопросам освободительного движения монгольского народа, о значении и роли политической партии и ее характере в Монголии на то время⁷³.

Вскоре после возвращения делегации из Москвы 1—4 марта 1921 г. в пограничном русском городе Троицкосавске состоялся I учредительный съезд МНРП, на котором представитель Коминтерна высказал готовность КИ оказать помощь монгольскому народу, МНРП в их борьбе за свободу и независимость страны. Съезд принял решение иметь при ЦК партии представителя Коминтерна⁷⁴. В качестве главной задачи съезд МНРП в принятой программе выдвинул завоевание национальной независимости и установление народовластия.

13 марта 1921 г. в Троицкосавске на совещании было создано Временное революционное народное правительство Монголии, руководимое МНРП. Совещание наметило основные задачи Временного народного правительства⁷⁵.

Переходя к вопросу о формировании монгольской политики Советского государства, следует иметь в виду, что Внешняя Монголия имела для Советской России важное геополитическое значение. У них была общая протяженная граница. Монголия была своеобразной буферной зоной в случае агрессии на Советский Союз с востока. Немалое значение Монголия имела и в годы Гражданской войны в России, поскольку она (Монголия) являлась убежищем для белогвардейских и других антисоветских банд разного толка, враждебных также и Внешней Монголии, с которыми своими силами она справиться не могла.

Как уже отмечалось выше, в 1919 г. Китай восстановил свой суверенитет над Внешней Монголией, было устранено Омское правительство, усиливалось влияние Японии. Руководству РСФСР необходимо было с учетом этих факторов разработать полити-

ку и тактику в отношении Внешней Монголии, с целью помочь ей, сохранить свои интересы в Монголии и в то же время избежать в связи с этим напряжения с Китаем.

В обстановке, когда в 1921 г. советские войска разгромили отступавшие на территорию Внешней Монголии отряды барона Унгерна, Г.В. Чичерин 15 июня 1921 г. направил через Министерство иностранных дел ДВР правительству Китая заявление, в котором разъяснялось, что Россия и Китай имеют общих врагов, как, например, Унгерн, установивший свою власть в Монголии. Нападения белогвардейцев на Советскую Россию и союзную ей ДВР привели к военным действиям, что заставило советские войска, нанося ответные удары, пересечь границу Монголии⁷⁶. «Сражение с унгернскими бандитами продолжается в интересах самого Китая», — пояснял Чичерин. Далее в заявлении нарком указал, что российское правительство категорически заявляет, что оно ведет борьбу с Унгерном на базе признания прав Китая и что «русские войска эвакуируются из Монголии, коль скоро их задача будет выполнена»⁷⁷.

Китайские власти игнорировали это заявление, но два главных его положения — русские войска своевременно эвакуируются из Монголии и Советская Россия признает права Китая над Монголией — оставались неизменными в дальнейших советско-китайских переговорах.

В письме от 9 января 1922 г. Чичерин дал Пайкесу четкие указания о позиции РСФСР по монгольскому вопросу, а именно: «Из Монголии мы не можем вывести наши войска, пока Монголии грозит опасность со стороны всяких белогвардейцев и бандитов. Наши войска находятся там по просьбе самого монгольского правительства. Их присутствие там не связано с отношениями между Монголией и Китаем»⁷⁸. А 31 августа 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило текст телеграммы полпреду Иоффе. В ней говорилось, что вопрос о государственно-правовом положении Монголии и выводе войск из нее должен быть решен соглашением России, Китая и Монголии и что при этом недопустимо устранение самой Монголии. «Это не противоречит тому, что мы признаем суверенитет Китая над Монголией»⁷⁹.

Во время переговоров А.А. Иоффе с представителями пекинского правительства китайская сторона при обсуждении монгольского вопроса вновь настаивала на выводе советских войск из Внешней Монголии. Располагая сведениями из печати о подписании секретного соглашения между РСФСР и Монголией, Пекин заявил, что не признает никаких соглашений, заключенных между правительствами Советской России и Внешней Монголии. 15 ноября 1921 г. Иоффе подтвердил, что действительно 5 ноября в Москве было подписано соглашение между правительством РСФСР и народным правительством Монголии о восстановлении дружественных отношений между Россией и Монголией. Он добавил, что текст соглашения опубликован в официальных изданиях. Этим соглашением отменялись все договоры и соглашения, заключенные между бывшим царским правительством России и бывшим правительством автономной Монголии и никаких покушений на суверенитет Китая в соглашении не содержалось⁸⁰.

Интерес представляет оценка Г.В. Чичериним советской политики по монгольскому вопросу после того, как в Монголии уже существовало народное революционное правительство, и в связи с этим о перспективах советской политики в Монголии. Создание народно-революционного правительства в Монголии, по его оценке, было «одним из крупнейших успехов нашей политики». И что было важным, с его точки зрения, что «советизации там нет, и для нее в Монголии нет почвы». В Москве это хорошо понимали и не навязывали исторически не свойственных для того времени каких-либо форм власти. По мнению Чичерина, созданное в Монголии правительство — это «хорошее демократическое народное правительство первобытной национальности, представляющей благоприятную почву для такого строя, может быть целиком в руках Унгерна с его белогвардейцами и помогавшими ему японцами. Народные массы Монголии, — писал, далее Чичерин, — ждали нас и шедшую вместе с нами революционную монгольскую армию как избавителей... Са-

ми монголы умоляют нас не уходить и отставить* гарнизон в Урге для защиты их от всяких белогвардейцев, японцев, хунхузов и от войск Чжан Цзолиня. Мы не имеем права бросить их на произвол судьбы». Чичерин видел и другую сторону такой позиции. «Это противоречит элементарнейшим нашим интересам, — пояснил он, — ибо Монголия в руках белогвардейцев, японцев, или других авантюристов держала бы громадную нашу сибирскую границу под вечной угрозой». Исходя из этого, Г.В. Чичерин дает четкие указания Иоффе, сделав упор на три положения советской монгольской политики: «Полное самоуправление и самоопределение Монголии должно быть неприкосновенным и нами поддерживаться»; «Претензии Китая будут в достаточной мере удовлетворены теоретическим признанием его суверенитета и в крайнем случае суверенитета без права вмешиваться в дела Монголии, в особенности без права держать там войска». Мы заявляем категорически, что наши войска останутся в Монголии по просьбе самого монгольского правительства лишь до тех пор, пока Монголия не может себя защитить. Их пребывание там временное...»⁸¹.

Монгольский вопрос снова был поставлен китайской стороной после возобновления прерванных китайским правительством переговоров в марте 1924 г.

Пекинские власти предложили внести в соглашение некоторые предложения, два из них касались Монголии: 1) Заявить об аннулировании не только договоров и соглашений, заключенных с третьими странами царским правительством, но и соглашений, касающихся Китая, заключенных после Октябрьской революции. (То есть речь шла об аннулировании советско-монгольского договора от 5 ноября 1921 г.).

2) Хотя порядок эвакуации частей Красной Армии из Монголии предполагалось обсудить на советско-китайской конференции, соответствующую статью соглашения уточнить таким образом, чтобы ясно был выражен суверенитет Китая над Монголией⁸². (В советско-китайском соглашении от 31 мая 1924 г. содержание этих предложений нашло отражение в статье 5⁸³).

Нет сомнения, что Г.В. Чичерин представлял себе, как будет воспринято в Монголии известие о подписании советско-китайского соглашения, содержащего указанные выше два положения.

Для смягчения настроений в руководстве Внешней Монголии в связи с предстоявшим подписанием советско-китайского соглашения в Москве разрабатывалась соответствующая тактика. Главным ее содержанием должна быть идейная пропаганда, направленная на изменение отношения монголов к китайцам, которые борются против империалистов. Новый полпред СССР в Монголии А.Н. Васильев, прибывший в Улан-Батор 3 января 1924 г., получил от Г.В. Чичерина инструкцию, в которой прямо указывалось обратить внимание на нежелательные антикитайские настроения в монгольском руководстве, что нужно сделать все для их искоренения и подводить монголов постепенно к осознанию «автономии в составе Китая на длительный период»⁸⁴.

В июне 1924 г. из Москвы от наркома Чичерина на имя монгольских руководителей пришла телеграмма, в которой говорилось о том, что СССР не ведет «двойную игру» за спиной Монголии, что Москва не бросает монголов на произвол судьбы и «один на один с Китаем», и что советские войска не уходят из Монголии, а «перейдут на службу к монгольскому правительству в качестве добровольцев»⁸⁵.

Накануне и после подписания соглашения от 31 мая 1924 г. в переписке Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана продолжается обсуждение разных сторон советско-монгольских отношений⁸⁶, в частности, что касалось подготовки к выводу советских войск из Монголии и в связи с этим необходимости оснащения Советским Союзом монгольской армии. Обсуждая вопросы о тактике в Монголии, Чичерин требовал считаться с настроениями самой Монголии, считаться с собственными стремлениями монголов.

Г.В. Чичерин 6 октября 1924 г. доводил до сведения Л.М. Карахана несколько измененный план защиты Монголии, состоявший в том, что находившаяся там советская часть будет пополняться бурятами, и с ее уходом останутся добровольцы-буряты. Одно-

* Так в тексте: имеется в виду «оставить».

временно много внимания уделялось Советским Союзом реорганизации военной школы в Урге с тем, чтобы она сделалась источником коммунистического ядра будущей монгольской армии. Уход наших войск из Монголии, — указывал Чичерин, — не должен произойти раньше середины 1925 г.»⁸⁷.

25 ноября 1924 г. Чичерин поставил Карахана в известность, как в Москве теперь решается военный вопрос для Монголии: «считается, что наши войска уже уведены, имеющиеся там 200 красноармейцев считаются охраной полпредства; центр тяжести монгольского военного вопроса переносится на монгольскую военную школу, где мы воспитываем коммунистический состав, на улучшение технического состава армии с нашим общим техническим персоналом...»⁸⁸ и т.п.

Что касается деликатного вопроса — Монголия в советско-китайских отношениях, то советская дипломатия при активном и постоянном личном участии в решении этого вопроса Г.В. Чичериным не приводила к обострению советско-китайских отношений.

Последние годы жизни и деятельности Г.В. Чичерина были отягчены многими обстоятельствами: прогрессирующая болезнь; тяжелая обстановка в НКВД, нагнетавшаяся рядом высокопоставленных деятелей наркомата; ссоры с рядом деятелей из высшего эшелона власти (в который Чичерин не входил) и прочее. Все это стало известно из прежде засекреченных документов, которые изучил и сделал достоянием читателей В.В. Соколов⁸⁹.

Как известно, Ленин ценил обширные знания, опыт и острый политический ум Чичерина, по важнейшим политическим вопросам их взгляды совпадали.

Более сложно складывались отношения Чичерина с другими членами Политбюро — Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, а также с некоторыми крупными работниками НКВД — М.М. Литвиновым, А.А. Иоффе, Л.А. Коппом. «Именно эти люди, — приходит к выводу В.В. Соколов, — сыграли немалую роль в том, что Чичерин слишком рано отошел от активной дипломатической работы»⁹⁰.

Новые «вожди» из рабочих — К.Е. Ворошилов, М.И. Калинин, Я.Э. Рудзутак, пришедшие в Политбюро, не понимали Чичерина⁹¹.

Так, в секретном письме В.М. Молотову от 9 августа 1928 г. (копия Сталину и другим членам политбюро) Георгий Васильевич писал: «Положение будет нормальным и здоровым лишь тогда, когда во главе внешней политики будет лицо из внутреннего круга руководящих товарищей... Товарищ Ворошилов говорил на заседании Политбюро, что я больше защищаю интересы других правительств и упрекал меня моим происхождением; это ясно доказывает невозможность моей работы. Товарищ Рудзутак писал мне, что от моих писаний веет глупостью»⁹²; высказывались и другие не менее «приятные» реплики.

Находясь на лечении за рубежом, Г.В. Чичерин не мог работать, но он не мог не читать, размышлять над происходившими на Родине событиями и проводимой руководством страны внешней политики, о положении в НКВД. И обо всем этом он писал в трех ставших известными письмах Сталину в 1929 г., в письмах Рыкову, Молотову, Карахану.

Письмо Чичерина Сталину от 22 марта 1929 г. было посвящено серьезным вопросам внешней политики, работе НКВД и многократным сокращениям его штата⁹³.

В письме Сталину от 20 июня 1929 г. Чичерин вновь обращается к противоречивым элементам внешней политики СССР, подрывавшим авторитет Советского Союза. Чичерин с возмущением писал, что «ложная информация из Китая привела к нашим колоссальным ошибкам 1927 г. (после прекрасной политики (1923—1926 гг.)).

«Нет хуже несоответствия между тактикой и существующими силами», — писал он. И далее Чичерин перечисляет провалы акций компартий ряда стран Европы в результате допущенных ошибок, в том числе ошибок Коминтерна⁹⁴.

Георгий Васильевич резко высказывался против противоправной деятельности ГПУ / ОГПУ, осуждал политические процессы над священниками, социалистами-революционерами, так называемый шахтинский процесс и др., рассматривая их с точки зрения ущерба, который они наносят интересам советской внешней политики⁹⁵.

В отношении больного наркома Чичерина, учитывая его огромный авторитет в стране и на международной арене, Сталин проявлял достаточно такта и выдержки в свя-

зи с его «чуждачествами», прозрачной критикой политики советского руководства, регулярно отвечал на его письма, в копиях рассылал членам Политбюро письма Чичерина.

В начале января 1930 г. Чичерин выехал в Советский Союз, решив уйти на пенсию. Его просьба была удовлетворена 27 июля 1930 г.

Последние годы своей жизни Г.В. Чичерин жил уединенно, никого не принимал (даже родственников) и не давал никаких интервью. Его единственным другом оставалась музыка Моцарта.

Г.В. Чичерин умер 7 июля 1936 г. и 9 июля был похоронен на Новодевичьем кладбище.

В заключение хотелось бы отметить бесценное наследие Георгия Васильевича Чичерина, а также его усилия для установления и развития дружбы народов России и Китая. Еще в 1922 г. Чичерин говорил: «Советская Россия и Китай — естественные союзники, и в этой дружественной политике между ними предстоит будущее»⁹⁶.

1. В 1918–1930 гг. — народный комиссар по иностранным делам РСФСР (1918–1922 гг.) и СССР (с декабря 1922 г. по 1930 г.), в 1918–1928 гг. — член ЦИК и ВЦИК СССР, в 1920–1921 гг. — кандидат в члены ИККИ, где отвечал за связь ИККИ с НКВД, в 1925–1930 гг. — член ЦК РКП(б) / ВКП(б), в 1925–1927 гг. — член Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б).
2. Приведем наиболее известные из них: *Белевич Е., Соколов В.* Наркоминдел Георгий Чичерин // *Международная жизнь* (далее — МЖ). 1991. № 2; *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин // *НИИ*. 1994. № 2. С. 3–18.; *Горохов И., Замятин Л., Земсков И.* Г.В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М., 1973; *Зарницкий С., Сергеев А.* Чичерин. М., 1975 (Серия «ЖЗЛ»); Историческая родословная благородных дворян Чичериных, собранная из достоверных известий Игуменом Ювеналием Воейковым. Тамбов, 1914; *Лавров С.В.* Вступительная статья к книге: Г.В. Чичерин. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009; Ленин В.И. ПСС. Статьи и письма. Т. 35, 37, 40, 42, 45, 50, 54; *Любимов Н.И., Эрлих А.Н.* Генуэзская конференция. М., 1963; *О Коннор Т.Э.* Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930. / Пер. с англ. М., 1991; *Труш М.* Дипломат ленинской школы // МЖ. 1972. № 11; *Трофимова Л.И.* Вступительная статья к книге: Г.В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961; Чичерин Георгий Васильевич: Авторизованная биография // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат. 7-е изд. Т. 41, ч. 3. Стлб. 215–229.
3. См.: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994; Т. 2. 1926–1927; Т. 1, Ч. 2. М., 1996; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 3. ВКП(б), Коминтерн и Советское движение в Китае 1927–1931. В 2 кн. М., 1999; Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. Документы август 1923–1926 гг. М., 2008 (Далее: Переписка); Большевикское руководство. Переписка 1912–1937. М., 1996.
4. *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова / Предисл. министра иностр. дел РФ Лаврова С.В. М.: Любимая Россия, 2009.
5. Там же. С. 7.
6. Там же. С. 542.
7. Сведения о контактах Ленина и Чичерина в эмиграции и цитата приведены по: *Труш М.* Указ. соч. С. 88.
8. 3 декабря 1917 г. Советское правительство направило через бывшего английского посла в России Бьюкенена ноту правительству Англии с требованием освободить Чичерина. В ноте говорилось, что ни один британский подданный не может (в том числе и Бьюкенен) выехать из России, пока не будет освобожден Чичерин. 21 декабря Г.В. Чичерин был выпущен из Брикстонской тюрьмы (Там же).
9. Подробно об антироссийском заявлении Троцкого на переговорах, в том числе провозглашенном им приказе о полной демобилизации российских войск по всему фронту. см.: *Васецкий Н.* Наркоминдел Троцкий // МЖ. 1991. № 1. С. 112.
10. *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. С. 98–99, 101.

11. Цит. по: *Горохов И. и др.* Указ. соч. С. 82.
12. Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 111. Это цитата из письма В.И. Ленина от 1 июля 1918 г., адресованного А.А. Иоффе, которого Ленин отчитал в этом письме за неуважительное отношение к Чичерину.
13. См., например: Письмо Г. Зиновьева и К. Радека в Политбюро ЦК РКП(б) об отношениях НКИД и Коминтерна от 13 августа 1921 г.; Письмо Г. Чичерина В. Молотову от 14 августа о том же (как ответ на письмо первых) // Коминтерн и идея мировой революции. С. 306–307, 307–309. Чичерин, в частности, писал: «Не понимаю, почему ради Коминтерна требуется рассорить нас с Афганистаном, Персией и Китаем»... Все повсеместно смешивают РСФСР и Коминтерн, и несвоевременный шаг его может создать нам катастрофу» (Там же. С. 309).
14. Цит. по: *Горохов И. и др.* Указ. соч. С. 116.
15. Перечисленные документы см.: Советско-китайские отношения 1917–1957. Сб. документов. М., 1959.
16. ДВП СССР. М., 1967. Т. 12. С. 383–384.
17. См.: *Чичерин Г.В.* Статьи и речи. С. 46.
18. См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 54. С. 28, 564 (Примеч. 63).
19. Из письма Г.В. Чичерина И.В. Сталину от 22 ноября 1921 г. ясно, что Сталин в то время не поддерживал эту идею по соображениям «о нашем собственном экономическом состоянии». Чичерин аргументированно отстаивал свою позицию. См.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. С. 223–225 (Серия «Документы советской истории»). Эта позиция Г.В. Чичерина позже легла в основу государственной политики Советского Союза по этому вопросу, несмотря на немалую дополнительную нагрузку на бюджет страны.
20. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы, Т. 1. С. 277–278 (док. № 90) и С. 313–314 (док. № 100). Копии последнего письма были направлены Сталину, Троцкому, Каменову, Войтинскому и членам коллегии НКИД.
21. Там же. С. 534 (док. № 141). Председателем Китайской комиссии является М.В. Фрунзе, после его кончины в октябре 1925 г. — К.Е. Ворошилов. Часто заседания Комиссии проводил И.С. Уншлихт, замещающий председателей. Состав комиссии пополнился впоследствии другими деятелями. 14 протоколов Китайской комиссии Политбюро см.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. Первые 10 протоколов были выявлены и опубликованы д.и.н. Картуновой А.И. и к.и.н. Шевелевым К.В. См.: Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 309–323.
22. См., например, телеграмму Чичерина Янсону от 21 октября 1921 г. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 63–64 (док. № 11). До этого, в июле 1920 г. в Пекин была направлена миссия ДВР во главе с И.Л. Юриным (Гинтовт-Дзевалтовский) с целью установления официальных экономических и дипломатических отношений между ДВР и Китаем. Но добиться цели не удалось. Подробно см.: *Персиц М.А.* Дальневосточная Республика и Китай. М., 1962; *Капица М.С.* Советско-китайские отношения. М., 1958; *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай: Полит. взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.
23. Полный текст инструкции см.: Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем. 1917–1924 гг. // НИИ. 1997. № 4. С. 115.
24. Подробно о миссии А.А. Иоффе в Китае см.: Там же. С. 118–124. Он прибыл в Китай в августе 1922 г., а в июле 1923 г. ЦК РКП(б) было принято решение о его отзывании 19 июля 1923 г. Карахан в письме Давтяну (советник полпреда СССР в Китае), сообщил, что «ввиду болезни А.А. Иоффе и целого ряда других соображений я выезжаю на Дальний Восток, чтобы заменить Иоффе и в отношении Китая и в отношении Японии» (АВП РФ, Фонд Карахана. Оп. 8. Д. 7. П. 4. С. 54–56). В тот же день Карахан письмом оповестил Иоффе, что по решению ЦКРКП продолжать переговоры с Японией будет он (Карахан) и дней через 7–10 выезжает на Дальнем Востоке (Там же. С. 52–53).
25. Полный текст коммюнике см.: Советско-китайские отношения 1917–1957: Сб. документов. С. 64–65. Известные китайские историки российско-китайских отношений Сюе Сяньтянь и Луань Цзинхэ высоко оценивают «Декларацию Сунь Ятсена — Иоффе», по их мнению «не уступающую по значению договору» (*Сюе Сяньтянь, Луань Цзинхэ.* История и современное состояние китайско-российских отношений. От трех союзов до «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» // ПДВ. 2002. № 5. С. 28).
26. *Капица М.С.* Лев Карахан (1889–1937) // Видные советские коммунисты — участники китайской революции. В Китае имя Карахана стало известно по Обращению Правительства РСФСР

- к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г. Под этим документом стояла его подпись.
27. Карахан с течением времени стал надежным другом наркома Чичерина, на которого он мог опираться в работе наркомата.
  28. См.: Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину из Мукдена от 27 августа 1923 г. // Переписка. С. 66–68.
  29. Эта помощь Сунь Ятсена начала поступать лишь год спустя принятого по этому поводу решения Политбюро ЦК РКП(б) от 3 марта 1923 г. Более подробно об этом см.: *Картунова А.И.* Политический образ Сунь Ятсена в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом // ПДВ. 2010. № 1. С. 124–135.
  30. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 108.
  31. Подробно о давлении США и Франции на пекинское правительство с целью воспрепятствовать подписанию советско-китайского соглашения см.: Там же. С. 113–115; Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину от 24 марта 1924 г. // Переписка. С. 190, 193–194 (док. № 46), а также док № 7, 12, 15, 44, 54.
  32. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 110.
  33. Переписка. С. 194–196.
  34. Переговоры с Гу Вэйцзюнем велись в закрытом режиме из-за его опасения, если сведения о переговорах просочатся, как бы они снова не были сорваны.
  35. *О'Коннор Т.Э.* Указ. соч. С. 18, 84.
  36. *Аблова А.Е.* Указ. соч. С. 3. Подробно о планах захвата КВЖД Францией см.: *Капица М.С.* Указ. соч. С. 18–19.
  37. Согласно этому контракту срок выкупа КВЖД определен в 80 лет.
  38. См.: *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 115.
  39. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 66 (док. № 15).
  40. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 72.
  41. Цит. по: *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 116.
  42. *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Полит. взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ОГНИ, 2003. С. 132. Советско-монгольское соглашение было подписано 5 ноября 1921 г.
  43. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 76.
  44. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 109 (док. № 30).
  45. Переписка. С. 88 (док. № 7). Этот вычеркнутый пункт появился в 1919 г. в брошюре В.Д. Виленского (Сибирякова) «Китай и Советская Россия» и в этом варианте стал широко известен в Китае с 1920 г. (*Хейфец А.Н.* Советская дипломатия и народы Востока 1921–1927 г. М., 1968. С. 154). Имеются также другие версии.
  46. Цит. по: *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 121.
  47. Конференция проходила с августа 1925 г. по апрель 1926 г., окончилась безрезультатно.
  48. См.: Советско-китайские отношения 1917–1957. Сб. документов. С. 90–92.
  49. Переписка. С. 250 (док. № 62).
  50. Там же. С. 268. (док. № 66). В ноте полпреда СССР в Китае министру иностранных дел Китая Ван Чжэнтину от 19 января 1926 г. упомянуто, что правительство Союза ССР, «относясь с полным уважением к суверинитету Китая, отказалось от прав по охране дороги... что защита и охрана дороги и сохранение порядка целиком переданы китайским властям (ДВП СССР. Т. 9. С. 39).
  51. Переписка. С. 536.
  52. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 24 (док. № 5).
  53. Там же. С. 25 (док. № 6).
  54. ДВП СССР. Т. 9. М., 1964. С. 48.
  55. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 25 (док. № 7). Там же. С. 27. (док. № 8). Постановление Политбюро об отводе войск от границ Маньчжурии последовало 28 января 1926 г. // Там же. С. 34 (док. № 11).
  56. И.В. Сталин вернулся к этому вопросу в письме В.М. Молотову от 16 октября 1926 г., объясняя «тайну» нашей дипломатии о том, что «Мы только пугаем Чжан Цзолиня, но воевать из-за КВЖД не станем» и что в январе мы также «не думали идти на Харбин» // Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. Сб. документов. М., 1995. С. 88–89.
  57. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 35 (док. № 13). Интервью опубликовано 5 февраля в «Известиях».

58. Там же. С. 139–140 (док. № 30).
59. См.: Переписка. С. 609–612, 621–624.
60. Там же. С. 609–611.
61. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 165–173 (док. № 36).
62. Там же. С. 166.
63. Там же. С. 168.
64. Союзу ССР пришлось уступить. 14 октября Политбюро приняло постановление «признать необходимым формальный отзыв Карахана из Китая» (ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч. 1. С. 472 (док. № 113)).
65. Переписка. С. 634 (док. 193).
66. Содержание директив ПБ ЦК ВКП(б) см.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2, ч.1, С. 206–207 (док. № 51). Мы их здесь не приводим, так как переговоры были сорваны.
67. АВП РФ, Ф. 100. Оп. 10. Д. 36. Л. 31.
68. КВЖД была продана Японии за бесценок в 1935 г., когда японская военщина, оккупировав Маньчжурию в 1931 г., полностью владела этой частью Китая под названием Маньчжоу-Го. КВЖД — КЧЖД была передана Советским правительством КНР в совершенно другой исторической обстановке в 1950 г. безвозмездно.
69. Как пишет С.Г. Лузянин, «главным проводником экономической политики России непосредственно в Монголии были русские купцы, длительное время жившие в монгольской глубинке... которым удавалось поддерживать на плаву русскую торговлю в Монголии и как-то противостоять серьезной китайской конкуренции» (*Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 91. Прим. 13).
70. Подробно об этом см.: *Лузянин С.Г.* Указ. соч.; *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999.
71. Цит. по: *Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 68.
72. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 54–55 (док. № 8).
73. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 232–233.
74. Исторический опыт братского сотрудничества КПСС и МНПР в борьбе за социализм. М., 1971. С. 36–37.
75. Там же. С. 40. Временное народное правительство действовало на определенной территории на севере страны.
76. 16 июня 1921 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало предложение Г.В. Чичерина о походе войск РСФСР в Монголию против Унгерна и утвердило это предложение. См.: Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 80 (док. № 44).
77. Цит. по: *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 121.
78. См.: Там же. С. 116.
79. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 109 (док. № 30). Однако в мае 1924 г. этот вопрос был решен двумя сторонами, без участия Монголии. Советская Россия вынуждена была пойти на это.
80. *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 121.
81. Цитаты из этого письма приведены по: *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 121–122.
82. *Капица М.С.* Указ. соч. С. 113.
83. См.: Советско-китайские отношения 1917–1957. Сб. документов. С. 83.
84. *Лузянин С.Г.* Указ. соч. С. 136.
85. Там же.
86. См.: Переписка. Док. № 9, 14, 15, 65, 97, 104.
87. Там же. С. 50 (док. № 97).
88. Там же. С. 374 (док. № 104).
89. *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // НИИ. 1994. № 2. С. 3–18.
90. Там же. С. 4.
91. Там же.
92. Цит. по: *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин. С. 9.
93. Там же. С. 12.
94. *Соколов В.В.* Указ. соч. Там же. С. 14.
95. Там же. С. 15, 16.
96. *Чичерин Г.В.* Статьи и речи... С. 223.